

Анна Кэри

Мамы имеет право

КомпасГид
издательский дом

Анна Кэри

Молли имеет право

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67245996
Молли имеет право: КомпасГид; Москва; 2022
ISBN 978-5-907514-30-0

Аннотация

Ничего нельзя! Учи уроки, чини одежду, наблюдай из окна беспокойный Дублин 1912 года. Чем себя занять четырнадцатилетней Молли Карберри, кроме писем подруге? Молли жалуется ей на противного брата Гарри, на сестёр – невозможно идеальную Джулию и вообще-то славную, хоть и своевольную Филлис, у которой вдруг появились секреты. Эта тайна перевернёт скучную жизнь главной героини: Филлис присоединилась к суфражеткам! Час от часу не легче... Ведь те, кто так себя называет, требуют невозможного – права голоса для женщин.

Слежка за сестрой заходит слишком далеко: сама того не ожидая, Молли становится частью движения. Теперь-то скучно не будет – но какие преграды придётся преодолеть? Как далеко готова зайти Молли в борьбе за свои права?

«Молли имеет право» – динамичный роман в письмах от лица бойкой, ироничной и смелой героини. Анна Кэри ненавязчиво следует идее girl power, создавая реалистичные

истории взросления девочек. Её неизменно остроумные книги завоевали признание читателей-подростков и отмечены премией Irish Book Award.

Содержание

Историческая справка	6
Линдсей-Гарденз, 25, Драмкондра, Дублин. 25 марта 1912 г.	7
5 апреля 1912 г.	22
19 апреля 1912 г.	35
1 мая 1912 г.	46
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Анна Кэри

Молли имеет право

Original Title: The Making of Mollie

First published by The O'Brien Press Ltd., Dublin, Ireland,

2016

Published in agreement with The O'Brien Press Ltd.

© Anna Carey 2016

© Перевод, оформление, издание на русском языке. ООО

«Издательский дом «Тинбук», 2022

* * *

Дженнифер, Луизе и Мириам – если бы не Доминиканский колледж, мы бы никогда не встретились.

А также Клэр Канифф, которая ещё в 1918 году в дискуссионном клубе имени Фомы Аквинского при том же колледже выступила с докладом на тему «Почему женщины должны голосовать». Согласно школьному ежегоднику, речь «дала ей возможность в полной мере выразить свою вполне определённую и решительную позицию по данному весьма спорному вопросу».

Историческая справка

Действие книги разворачивается в Дублине в 1912 году. В то время Ирландия была частью Соединённого Королевства, но среди её жителей уже росла настоятельная потребность в так называемом гомруле (*Home Rule*, то есть «самоуправление»). Это означало, что Ирландия, оставаясь частью Великобритании, получила бы собственный парламент в Дублине.

В 1912 году голосовать на всеобщих выборах в Соединённом Королевстве могли только мужчины (и даже не все мужчины, а лишь те, кто имел или арендовал недвижимость определённой стоимости). Однако за право голосовать агитировали и многие женщины: они получили известность как суфражистки или суфражетки¹.

---

¹ Суфражистки и суфражетки (*истор.*) – активистки движения за предоставление женщинам избирательных прав, распространённого во второй половине XIX века. Разница между ними – в способах борьбы. Первые боролись при помощи убеждения, пропаганды, переговоров, вторые предпочитали радикальные, часто агрессивные методы. (*Здесь и далее примеч. ред. и перев.*)

**Линдсей-Гарденз, 25, Драмкондра,
Дублин. 25 марта 1912 г.**

Дорогая Фрэнсис,

как же я ненавижу своего брата! Понимаю, не слишком-то прилично начинать с этого письмо: я должна сперва спро-

сильно, как ты поживаешь и выиграла ли твоя школа последний хоккейный матч², рассказать о своём здоровье и о том, какая стоит погода, но сейчас я просто киплю от ярости и не могу думать ни о чём другом. Знаю, тебе кажется, что Гарри не так уж плох, но всё дело в том, Фрэнсис, что ты – единственный ребёнок в семье. Будь у тебя брат вроде Гарри, уверена, ты бы тоже его ненавидела. Конечно, он всегда меня бесит: обожает помыкать мной и делать вид, будто старше лет на десять, а не всего на два года, да к тому же демонстративно наслаждается тем, что ему позволено делать всё что захочется (ну, или практически всё), в то время как мне приходится постоянно спрашивать разрешения и никогда его не получать (ну, или получать крайне редко).

Но на этот раз он превзошёл самого себя. На ужин у нас была жареная курица (как ты знаешь, это моё самое любимое блюдо), и, пока папа резал её, я спросила, нельзя ли мне получить кусочек грудки (поскольку это моя любимая часть моего любимого блюда). Но мама, как обычно, сказала:

– Подожди, Молли, сперва спросим папу и Гарри.

– О, не волнуйся, Роуз, я не против, – ответил папа.

Зато Гарри заявил:

– А я, разумеется, очень даже.

Не будь там мамы и папы, я бы велела ему заткнуться, но, раз уж они там были, просто скорчила гримасу, едва они

---

² Имеется в виду хоккей на траве, весьма популярный в Ирландии в начале XX века, в том числе и в женском варианте.

отвернулись. Этого явно оказалось недостаточно, чтобы он перестал надо мной издеваться: даже когда папа дал нам с Филлис по кусочку грудки (мне досталась ещё и ножка, которую я тоже люблю, но далеко не так сильно, как грудку), Гарри всё продолжал распространяться о растроченной впустую, на девчонок, хорошей еде, хотя мужчинам, то есть ему и папе, нужно подкреплять силы. И никак не умолкал, хотя мама сказала: «Гарри, не дразни сестру».

Не знаю, почему его поведение так меня разозлило. В нём ведь, по сути, не было ничего нового: такие разговоры за столом случаются чуть ли не каждую неделю. Гарри всегда выбирает лучшие куски раньше нас, девочек, а значит, вечно их и получает. Но почему-то именно сегодня меня это особенно взбесило. Филлис тоже была не в восторге, особенно когда Гарри заговорил о мужчинах.

– Вряд ли речь о тебе, – сухо бросила она. – Ты ведь ещё школьник.

– Филлис в следующем году поступит в университет, – добавила я, – а ты по-прежнему будешь просиживать штаны в классе. Не очень-то мужское дело.

Гарри, похоже, это рассердило, но не успел он ответить, как папа сказал: «Так, дети, хватит ссориться», а мама завела рассказ о вялотекущих планах тёти Джозефины начать рисовать акварелью. Наверное, мне стоило бы сильнее обрадоваться этой новости, ведь, если тётя Джозефина начнёт тратить каждую свободную минутку на этюды Доллимаунт-Стр-

энд, у неё не останется времени названивать сюда каждый день и по пунктам объяснять нам, что мы делаем неправильно. Не будь у меня отвратительного брата, я бы никогда не поверила, что у такого в высшей степени порядочного человека, как папа, может быть настолько ужасная сестра: они ни капельки не похожи.

Но я отвлеклась. Остаток ужина прошёл мирно (хотя и скучно). После мама сыграла на пианино несколько новых песен, а мы все пели (ну, во всяком случае, мы с Филлис: Джулия сейчас желает петь только гимны, а Гарри и вовсе закатил глаза, едва мама достала ноты). А вот потом, когда мы напелись до хрипоты, мама объявила, что Филлис, я и Джулия должны помочь ей со штопкой. Знаешь, как скучно штопать одежду? К тому же папе вечером пришлось просматривать какие-то документы из департамента, поэтому он даже не мог сидеть рядом и развлекать нас, читая свежие главы своего эпического романа. А значит, работа сделалась ещё более скучной, чем обычно.

Ума не приложу, почему штопки всегда так много. Не то чтобы мы все специально рвали одежду, но почему-то постоянно находятся вещи, которые нужно починить, заштопать или подшить, или сделать ещё что-нибудь мелкое, но утомительное. И худшее всегда достаётся на нашу с Филлис долю. (Джулия штопает только вещи вроде старых кухонных полотенец, где не так важно, насколько идеально ложатся стежки. Хотя ей уже двенадцать, мама убеждена, что она бедная

крошка, которая в состоянии выполнять лишь самую простую работу. Разумеется, когда двенадцать было мне, она так не думала.) Кое-кто из соседей отдаёт чинить вещи швее, но мама говорит, что это пустая трата денег.

«У меня самой дома три прекрасные швей», – заявляет она и смеётся, будто это удачная шутка. Я сказала ей, что с радостью обошлась бы без этой ужасной новой шляпки, если бы это помогло скопить денег на швею, но она ответила, что новая шляпка мне нужна для школы и, кроме того, она вовсе не ужасна (что неправда).

В общем, мы сидели у камина, закрепляя несколько почти оторвавшихся от моей самой нелюбимой блузки пуговиц (я), подшивая подол юбки (Филлис) и штопая прореху в полотенце (Джулия – думаю, она нарочно их рвёт, чтобы на вечер всегда оставалась лёгкая работа и у мамы не было соблазна выдать ей что-то посложнее, вроде кружевной юбки). И тут врывается Гарри со своим другом Фрэнком Ньюджентом (который вечно появляется в нашем доме, я бы сказала, каким-то загадочным образом, словно из ниоткуда) и ШВЫРЯЕТ КУЧУ СВОИХ ВОНЮЧИХ НОСКОВ ПРЯМО МНЕ В ЛИЦО.

– На-ка, заштопай, – велел он, мерзко хихикая.

Фрэнк хихикать не стал. По правде говоря, он выглядел слегка смущённым.

– По мне, Гарри, это немного... – начал он, но в этот момент вошла мама.

– Гарри бросил в меня эти гадкие носки! – завопила я.

– Я просто сказал, что их нужно заштопать, – безмятежно возразил Гарри.

Выражение его лица было совершенно невинным: никогда не подумаешь, что всего несколько секунд назад он злорадно швырялся носками.

– Часть из них даже нестираная! – возмутилась я. – Воняют ужасно!

– Гарри, ты не должен кидать носки в сестру, – строго сказала мама.

Я бросила на Гарри торжествующий взгляд. Но мой триумф оказался недолгим, поскольку мама тотчас же взяла серый носок и первым делом проверила пятку: та была сношена практически до дыр.

– Но, Молли, их и правда нужно починить, – заявила она, – так что можешь заняться прямо сейчас. Во всяком случае, чистыми.

Гарри расплылся в тошнотворной улыбке, и я ответила ему самым свирепым взглядом, на какой только была способна. Должно быть, он получился действительно страшным: Фрэнк, похоже, чуточку испугался. А вот Гарри, к сожалению, нет.

– Мама, я иду к Фрэнку, – сообщил он. – Мы хотим погонять друг друга по французским глаголам.

– Не уверена, что после такого ребячества тебя вообще стоит куда-либо отпускать, – проворчала мама.

– Ну мам, я же только дразнился, – жалобно заныл Гарри.

– Ладно, – сдалась она. – Но допоздна не задерживайся.

Если бы я швырнула кому-нибудь в лицо носки, а потом заявила, что иду в гости к Норе, меня бы точно никто не отпустил.

– Постараюсь, – ответил Гарри. – Но у нас очень большое задание.

И, снова ухмыльнувшись мне и Филлис, вышел за дверь.

Фрэнк, уходя, помахал нам рукой, словно извинялся. Иногда мне кажется, что он и в самом деле вполне приличный мальчик. Но разве можно быть приличным, если дружишь с Гарри?

Как бы то ни было, я прекрасно знала, что Гарри вовсе не собирается учить французские глаголы или что-либо ещё. Наверняка они снова решили покурить трубку отца Фрэнка: на прошлой неделе мы с Норой застали их за этим занятием у церковной ограды, и выглядели они скверно. Чего, впрочем, и заслужили.

Но маме я, конечно, не стала об этом рассказывать: я же, в конце концов, не ябеда, даже если кое-кто вполне заслуживает, чтобы на него наябедничали. Вместо этого я сидела и штопала его дурацкие носки. Стоило бы прихватить парой стежков мысок, чтобы, когда он в следующий раз станет надевать эту пару, она оказалась ему тесна. Но, в отличие от Гарри, я не подлый и злорадный монстр, поэтому ушивала мыски лишь в собственном воображении, а это вовсе не так

весело.

Вот почему я была так зла. А теперь, записав всё это, чувствую себя гораздо лучше. Я вообще заметила, что мне легче, когда я пишу. Даже думала завести дневник, но Гарри, скорее всего, найдёт его и прочтёт, а потом станет дразниться, превратив мою жизнь в сплошные страдания. А если не он, то уж наверняка Джулия, поскольку мы с ней до сих пор вынуждены жить в одной комнате. Ужасно несправедливо, что приходится делить спальню с малявкой, всё ещё играющей в куклы, хотя я уже практически взрослая (или, по крайней мере, давно не в младшей школе). И кстати, спать с ней в одной комнате мне мешает не только её малолетство: в последнее время она стала чересчур религиозной и занудной. Вечно бурчит, что мы должны больше молиться и ежедневно ходить к мессе, громоздит вокруг кровати всё новые и новые образки, ладанки и тому подобные вещи и каждый вечер до второго пришествия читает молитвы.

Я, конечно, тоже молюсь, но всегда укладываюсь в три минуты, и потом приходится терпеть, пока Джулия, укоризненно посматривая на меня своими огромными зелёными глазами, не закончит молитвы, а она всё бормочет, и бормочет, и бормочет. Но сегодня вечером было даже хуже обычного. Улёгшись наконец в кровать, она бросила на меня через всю комнату тяжёлый взгляд (а я, уже сидя в постели, погрузилась в *«Трое в лодке, не считая собаки»*³ – ужасно смешная

---

³ «Трое в лодке, не считая собаки», 1889 – юмористическая повесть Джерома

книга, обязательно выясни, есть ли она в вашей школьной библиотеке) и заявила:

– Знаешь, тебе стоило бы читать молитвы как положено.

– А с чего ты взяла, что я читаю неправильно? – спросила я, не отрываясь от книги.

– Чересчур торопишься, – сказала она. – Я сегодня смотрела на часы: всего две минуты.

– И чего ради ты это делала? Мне казалось, тебе тоже нужно было молиться.

На это она ничего не сказала. Иногда я думаю, что добрая половина её религиозности – всего лишь спектакль, но убеждать в этом взрослых нет никакого смысла. Тётя Джозефина вообще считает Джулию идеальным ребёнком. На прошлой неделе она дошла до того, что спросила, не стоит ли мне брать с сестры пример, что сочла перебором даже мама.

– Молли на самом деле очень хорошая девочка, хотя это не значит, что ей не нужно над собой работать, – сказала она, всем своим видом показывая, что в этих словах есть некоторая доля шутки. – Не всем же быть такими набожными, как Джулия.

Разумеется, монашки в школе Джулию обожают, несмотря на то что она с этими своими распущенными, как у ангелочка, светлыми волосами выглядит по-дурацки. Я в её возрасте никогда так не выглядела. Как ты знаешь, у всех остальных Карберри густые каштановые шевелюры – точь-

в-точь швабры (даже у тёти Джозефины: по крайней мере, я предполагаю, что именно так и будут выглядеть её волосы, если она когда-нибудь их распустит. В чём я лично сомневаюсь: держу пари, она и спит с этим сложным пучком). Но папа говорит, что, когда он был маленьким, у его мамы (которая умерла ещё до моего рождения) были такие же светлые волосы, как у Джулии. Честно говоря, если бы не это, я бы решила, что Джулию каким-то образом подменили при рождении на другого ребёнка (хотя она родилась в этом самом доме, так что не знаю, на кого бы её могли подменить). Она и правда не похожа ни на кого из нас – хотя бы своей пресловутой примерностью: даже наедине с подругой, Кристиной, никогда не делает ничего стоящего упоминания.

Несколько лет назад Норин старший брат наговорил ей, будто, когда она была маленькой, служанка оставила коляску у магазина, а потом забрала домой не ту, и Нора почти год этому верила. Она была тогда совершенно убеждена, что не является кровной родственницей остальным Кентуэллам, хотя у неё такие же рыжие волосы и тёмно-синие глаза, как у её тёти Алисы. На самом деле Нора всегда жалуется, что не может понять, как это можно быть настолько похожей на тётю Алису, редкостную красавицу (и это правда: мужчины вечно посвящают ей стихи, сравнивая с самой Ирландией), и быть при этом такой некрасивой. Хотя Нору никак не назовёшь дурнушкой – я, например, считаю её очень симпатичной, – сама она уверена, что нос у неё чересчур крупный для

такого лица (а он вовсе и не такой уж крупный), ноги слишком короткие, а волосы постоянно выбиваются из-под ленты (ладно, последнее отчасти верно). Зато вот ты точно знаешь, что тебя не подменили: у вас с родителями такие чудесные смоляные кудряшки.

Но вернёмся к ужасам совместного проживания. На днях, после того как Джулия скинула с нашего общего туалетного столика все мои вещи и устроила там небольшой храм Пресвятой Богородицы, я спросила маму, нельзя ли мне занять комнату Гарри, если тот уедет в пансион. Мама ответила, что я говорю ерунду, хотя бы потому, что Гарри не собирается никуда уезжать: всего в двух милях от нас есть очень приличная школа. И добавила, что, даже если он уедет, на каникулах ему всё равно понадобится комната. В принципе, это справедливо – точнее, было бы, если бы речь шла не о Гарри. По крайней мере, мама сказала Джулии, что нельзя превращать наш туалетный столик в святилище, – уже хорошо. Джулия переместила все свои статуэтки и образки к себе на книжную полку, и это меня полностью устраивает.

Да, знаю, с твоего последнего письма прошёл уже, кажется, целый век, и мне ужасно стыдно, что я не написала тебе раньше, но, если честно, жизнь моя невероятно скучна, о ней совершенно нечего рассказать. Вот список того, что я делаю изо дня в день.

Хожу в школу, обычно под дождём, а это значит, что к

тому времени, как я туда доберусь, уже устану или промокну (или и то и другое).

Часами просиживаю на скучных уроках (ладно, думаю, некоторые из них ничего, но большинство довольно нудные).

Болтаю с Норой о том, как тосклива жизнь. Или (изредка) о чём-нибудь ещё.

Стараюсь не попадаться на глаза Грейс Молиньё и Гертти Хейден (что требует некоторой изобретательности, поскольку Грейс – кузина Норы, все взрослые её любят и советуют нам проводить больше времени вместе).

Иду домой, обычно под дождём (см. номер 1).

Делаю уроки.

Стараюсь не попадаться на глаза маме, папе, Филлис, Гарри и Джулии, которые, похоже, решительно настроены довести меня до бешенства совершенно разными, но одинаково раздражающими способами.

Слушаю, как мама играет на пианино в сопровождении постоянных сетований, что, будь у её родителей деньги на учёбу в Париже, она могла бы стать выдающейся пианисткой.

Читаю книги о людях, живущих куда более захватывающей, чем у меня, жизнью. (Кстати, пришли мне, пожалуйста, пару рекомендаций – кажется, я прочла всё хорошее, что было в нашем доме. И в школьной библиотеке.)

Слушаю, как папа читает свою эпопею (хотя это на самом деле довольно весело).

Вот более-менее и всё, не считая воскресений, которые не предполагают школы, зато, разумеется, предполагают ранний подъём, чтобы успеть к мессе. И (время от времени) бегство в гости к Норе (или её визиты ко мне). Но настоящего разнообразия в моей жизни сейчас не слишком много. Так что, видишь, из-за отсутствия моих писем ты ничего не упустила.

Я всё пытаюсь придумать, о чём бы таком захватывающем написать, но в голову приходит только то, что я закончила вязать довольно милый шарфик (синяя шерсть, вытянутые петли), а Нора решила стать врачом. Вечно у неё то одно, то другое: в прошлом году, когда женщинам разрешили голосовать на выборах в местные советы, она заявила, что хочет стать первой женщиной-мэром Дублина. Но через пару дней это прошло, так что скоро она наверняка придумает что-нибудь ещё. О да, Филлис решительно настроена в октябре поступать в университет, а это, я считаю, означает, что мне тоже разрешат там учиться. Впрочем, до этого ещё как минимум четыре года, и пока я особенно не волнуюсь.

И вообще, я туда не попаду, если не буду усердно заниматься в школе. Не скажу, что я лентяйка, но, должна признать, не всегда стараюсь так сильно, как могла бы. И уж точно не так, как Грейс Молиньё, которая надеется выиграть Кубок средней школы: это новая награда, её придумали, чтобы подстегнуть наше рвение. А у вас в школе есть подобные призы? Если судить по Грейс, не думаю, что это такая уж хо-

рошая идея. В общем, девочке, которая получит самые хорошие оценки за год и лучше всех сдаст летние экзамены, вручат какой-то там крохотный кубок – я не упоминала об этом в своих предыдущих письмах, потому что это ужасно скучно. И ещё потому, что шансов выиграть его у меня всё равно нет. А вот Грейс совершенно на нём помешалась и оттого раздражает даже больше обычного.

Она уже злорадствует, предвкушая свою триумфальную победу. Хотя, будучи Грейс, делает вид, что вовсе не злорадствует, и только время от времени произносит что-нибудь вроде: «О, разумеется, такой глупышке, как я, ни за что не выиграть кубок! Но разве не было бы здорово, если бы он мне достался?»

Между тем Дейзи Редмонд, лучшая ученица нашего класса почти по всем предметам, о кубке вообще не думает. Она учится из любви к знаниям, а не из-за воображаемой славы и кубков. Но Грейс на всё готова ради победы и вечно приходит в ярость, если Дейзи получает более высокие оценки. Дейзи, похоже, на потуги Грейс внимания не обращает, но та полна решимости обойти её, у неё (то есть у Грейс, а не у Дейзи) даже есть специальная тетрадь, где она отмечает все свои дополнительные занятия. А я чувствую себя совершенно выдохшейся от одной мысли об уроках. Надеюсь только, что Дейзи победит.

Напиши мне скорее, дай знать о своих приключениях: твоя жизнь всегда кажется намного более захватывающей,

чем моя. Наверное, это потому, что у вас в Англии нет монашек (по крайней мере, в вашей школе), вот мне всё и кажется необычным. Некоторые девочки в школе считают, что быть монашкой очень романтично и важно, а мне как-то не хотелось бы стать одной из них. Вечно им приходится подниматься чуть ли не посреди ночи и каждый день ходить к мессе, а по воскресеньям – и вовсе дважды. Пожалуйста, напиши как можно скорее. Надеюсь, я к тому времени не умру от скуки.

С любовью,

твоя лучшая подруга

Молли

5 апреля 1912 г.

Дорогая Фрэнсис,

знаю, последнее письмо было от начала до конца посвящено тому, как скучна моя жизнь. Но теперь в нашем доме происходит что-то очень странное, и в этом замешана Филлис. Да, понимаю, о чём ты думаешь: она вечно делает что-нибудь странное, хотя при ближайшем рассмотрении ни капельки не интересное. Все мы прекрасно помним то лето,

когда она заявила, что собирается стать поэтессой, ходила в чудных кельтских мантиях и твердила о «Золотой заре»⁴ и тому подобной ерунде. Но теперь она ведёт себя даже более странно, чем обычно, и это обещает быть довольно занятным. Я пока не выяснила, завела она тайный роман или стала кем-то вроде революционерки, а то, может, даже воровкой, но ты должна признать, что все эти варианты звучат весьма захватывающе (по крайней мере до тех пор, пока её не арестуют).

Всё началось в прошлую среду, около половины седьмого. Мама была на кухне, обсуждала с Мэгги завтрашний обед. Ты ведь помнишь Мэгги, правда? Это наша прислуга и главная кухарка в доме. Мама говорит, что без неё нам не обойтись, и это чистейшая правда, поскольку Мэгги берёт на себя практически все домашние хлопоты, включая такие неприятные дела, как чистка каминов (а самую грубую работу выполняет приходящая раз в неделю женщина, миссис Карр). Так что Мэгги приходится вставать в половине седьмого, чтобы растопить камин и приготовить завтрак. К тому же готовит она гораздо лучше, чем мама. Или Филлис. Или я, если уж на то пошло.

Мама говорит, что Мэгги – практически член семьи (хотя спит она, в отличие от *нас*, в крошечной камерке и целы-

---

⁴ Герметический орден «Золотая заря», популярный в Великобритании в конце XIX – начале XX веков, практиковал магию и оккультизм. В него входили многие знаменитости: писатели, актёры.

ми днями трудится ради *нашего* блага). Правда, у неё гораздо больше свободного времени, чем у любой другой знакомой мне прислуги. Например, у Агнес, горничной в Норинном доме, выходной только воскресным вечером, и то раз в две недели, а Мэгги приходит и уходит, когда ей заблагорассудится, если, конечно, вся работа сделана вовремя (а именно так всегда и есть).

В общем, они с мамой были на кухне, а Джулия в гостиной с тётей Джозефиной (уверена, тётя рассказывала Джулии, какая та замечательная, – ни мне, ни Филлис она ничего подобного не говорит). Папа ещё не вернулся с работы, Гарри после школы пошёл к своему другу Фрэнку, а я в столовой корпела над упражнением по латыни (мне по-прежнему кажется, что несправедливо задавать уроки на дом. Думаю, весь смысл ходить в обычную школу, а не жить в пансионе вроде твоего в том, чтобы можно было забывать об уроках, едва выйдешь за дверь). Я как раз продиралась через один особенно раздражающий фрагмент из Вергилия, когда в комнату с загадочным видом вошла Филлис в какой-то нелепой шляпе.

– Что это, скажи на милость, у тебя на голове? – поинтересовалась я.

– Ты что здесь делаешь? – воскликнула она, подпрыгнув от неожиданности чуть ли не до потолка. – Чего в темноте прячешься?

В столовой у нас всегда темновато, поскольку она выходит

на север и весь дневной свет, который мог бы попасть внутрь, остаётся на кухне.

– Я здесь живу, – обиделась я. – И вовсе не прячусь, просто закопалась с латынью и пока не удосужилась зажечь свет. Да и темнеть ещё только начинается. И вообще, если кто тут и прячется, то это ты. Почему *ты* не включила свет, когда вошла? От кого скрываешься?

На самом-то деле я не включала свет, потому что всегда чуть-чуть нервничаю, зажигая газ (а вдруг он взорвётся?), но ей в этом признаваться не собиралась.

– Свет я не включила, потому что это ужасно расточительно – сейчас только половина седьмого, – надулась в ответ Филлис. – И я вовсе не скрываюсь.

Но при этом подозрительно быстро отвернулась к окну, и я сразу поняла: что-то здесь не так. Всё-таки врать она совершенно не умеет.

– В любом случае, если скрываешься, а ты именно это и делала, стоит надевать менее эффектную шляпу, – хмыкнула я. – Эта выглядит так, словно ты нацепила половинку курицы.

– Мне нравится эта шляпа! – возмущённо воскликнула она. – Её Кэтлин расшила!

Не уверена, помнишь ли ты Кэтлин: это подруга Филлис, высокая брюнетка с чудесными длинными ресницами, считающая себя великой художницей, хотя, кажется, единственное, что она пока делает, – это чудовищные шляпы. Филлис

проводит с ней всё свободное время (впрочем, на этой неделе Кэтлин слегла с ужасной простудой и гостей принимать не может).

– Кэтлин? Что ж, это всё объясняет. В любом случае давай иди куда шла. У меня ещё куча дурацких латинских переводов, мне нужно сосредоточиться.

– Может, тебе стоит передохнуть? Спускайся к Мэгги, попроси чашку чая. Выглядишь так, словно сидишь здесь уже несколько часов.

Вот теперь я была совершенно уверена: что-то здесь не так. Обычно Филлис не особенно заботится о моём благополучии. На самом деле скорее наоборот. И если уж она предлагает мне сделать перерыв на чай, то лишь потому, что хочет выгнать из комнаты.

– Ладно, – сказала я. – А ты не хочешь чашечку?

– Что? А, нет-нет, – встрепенулась Филлис. – Думаю, мне бы... прилечь. Не слишком хорошо себя чувствую. Наверное, подцепила от Кэтлин простуду.

Как я уже сказала, врать она совершенно не умеет.

– Выглядишь бледной, – кивнула я, выходя из комнаты. Но дверь за собой до конца прикрывать не стала. И на кухню не пошла, а осталась в коридоре, подглядывая в щёлочку. И потому увидела, как Филлис распахнула окно, вылезла на задний двор, пробежала через сад, а затем, потихоньку приоткрыв калитку, прокралась – да-да, никаким другим словом этого не опишешь – в переулок позади дома. И ушла

себе бог знает куда.

Вообще-то Филлис и в лучшие времена не была особой любительницей бегать и лазать, и раз уж она выбралась из дома через окно, то лишь потому, что очень-очень не хотела, чтобы увидела мама. Но куда же она пошла? Это мне ещё предстоит выяснить. Точно не в гости к Кэтлин: тогда ей не пришлось бы красться. Да и потом, все уже в курсе, что Кэтлин больна.

Но мало того, что я не знаю, куда ушла Филлис, – я не знаю даже, как она вернулась домой. Должно быть, проскользнула через чёрный ход в кухне, потому что, когда часов в девять я спустилась в гостиную пожелать родителям спокойной ночи, она уже сидела там и читала, словно благовоспитанная молодая леди, которой и в голову не придёт вылезать в окно.

Таинственно ещё и то, что в воскресенье Филлис снова ушла, на этот раз вместе с уже оправившейся от простуды Кэтлин. Предполагалось, что они проведут весь день в гостях у тётки Кэтлин: к этой самой тётке приехал какой-то друг из Англии, профессиональный певец, который собирался исполнить для узкого круга приглашённых несколько песен на стихи Томаса Мура. Но на следующее утро, пока Филлис в столовой заканчивала завтракать, я заглянула к ней в комнату, чтобы одолжить ленту для волос (она мне действительно понадобилась! Я в чужие комнаты не прокрадываюсь!), и увидела на шкафу ту шляпу, в которой сестра была накануне. И на ней, среди всех этих перьев и шитья, заметила

нечто определённо похожее на смесь муки и гнилых капустных листьев омерзительного вида. Пожалуй, такая отделка несколько эксцентрична даже по меркам Кэтлин. И кроме того, прошлым утром никакой капусты там не было.

Если же и этого недостаточно, чтобы вызвать подозрение у всякой разумной девушки (а я думаю, Фрэнсис, ты согласишься, что я обычно вполне разумна), то скажу, что за последнее время это далеко не единственная связанная с Филлис загадка. И с Мэгги всё тоже довольно странно.

Хоть мне и кажется, что я помню Мэгги всю свою жизнь, совсем как родителей, на самом деле она устроилась к нам только когда мне было года четыре, и по возрасту она ближе к Филлис, чем к маме, – думаю, ей сейчас что-то около тридцати. С Филлис они всегда прекрасно ладили, но в последнее время, кажется, стали ещё ближе. Вот уже несколько недель, заходя на кухню, я обнаруживаю, что они сидят за столом и очень тихо ведут какой-то серьёзный разговор, а едва заметив меня, сразу меняют тему. И я никак не могу избавиться от мысли, что вся эта таинственность связана с новой манерой Филлис вылезать из окон и бегать по саду. В смысле, не многовато ли совпадений, а? С чего бы им так секретничать?

Вот что пока получается. Возможно, Филлис за вела тайную любовную связь, а Мэгги ей помогает – как кормилица в *«Ромео и Джульетте»*⁵, хотя, надеюсь, с меньшим количе-

---

⁵ «Ромео и Джульетта» – трагедия У. Шекспира.

ством смертей и яда в финале (мама с папой явно не одобрили бы свиданий с молодым человеком, да ещё наедине). Или, может, Филлис – революционерка, а то и преступница, и они с Мэгги готовят какой-то заговор... Впрочем, должна признать, ни один из этих вариантов не кажется мне вероятным – особенно что касается заговора: насколько я знаю Филлис, политика её ни в малейшей степени не интересует. Но пока другой причины, которая могла бы заставить её ускользнуть из дома без ведома родителей, я придумать не могу. И ещё не очень понимаю, как сюда вписывается капуста, – это самая загадочная деталь.

Может, я слишком много об этом думаю, – Нора определённо считает, что да. Говорит, я делаю из мухи слона, а всё наверняка объяснится очень просто. Но Нора у нас вообще всезнайка. Держу пари, увидев вылезавшую из окна сестру, она заговорила бы по-другому, хотя и *не склонна* к «диким полётам фантазии», как она довольно едко назвала мои абсолютно логичные умозаключения.

«Должно быть, Мэгги просто помогает ей с новым платьем или чем-то в этом роде, – заявила Нора. – Ты же знаешь, как беспомощна Филлис за швейной машиной. А в окно она, наверное, вылезла потому, что, пройдя через гостиную, была бы вынуждена поговорить с тётёй Джозефиной, – думаю, я бы тоже постаралась этого избежать».

Что ж, надо признать, объяснение неплохое. Я и са ма не жажду общаться с тётёй Джозефиной (а задание по латыни

оказалось вполне сносным предлогом держаться от неё по-
дальше). Но с чего бы Филлис с Мэгги так скрытничать, ес-
ли они всего-навсего шьют новое платье? Как-то я сомнева-
юсь, что моя сестра стала бы вылезать в окно (рискуя порвать
пальто или помять эту отвратительную шляпу, поскольку
она и в самом деле не сильна в лазании и вполне могла бы
за что-нибудь зацепиться) только ради того, чтобы избежать
встречи с тётёй Джозефиной. К тому же мама – далеко не
самый наблюдательный в мире человек, и стоило тётёе Джо-
зефине пуститься в рассуждения о нынешних девушках (то
есть о нас с Филлис) и о том, какие они ужасные бесстыдни-
цы и безбожницы, мама бы даже и не заметила, как откры-
лась и закрылась входная дверь. Но с этим не угадаешь.

Как бы то ни было, только что прозвучал гонг (мама по-
стоянно говорит Мэгги, что это не обязательно, но для Мэгги
особое удовольствие, наработавшись, изо всех сил грохнуть
в гонг), а это, как я полагаю, означает, что чай готов и мне по-
ра заканчивать. Учителя ведь не читают ваших писем? Или
это только в тюрьме читают? Слово «пансион» звучит для
меня как «тюрьма», хотя в нашей школе пансионеркам, ка-
жется, нравится. Монашки иногда водят их на спектакли или
лекции, и на следующий день девочки пытаются вызвать в
нас зависть бесконечными рассказами о восхитительно про-
ведённом вечере. Я вот не могу представить, что занятного
можно найти в том, чтобы высидеть лекцию о Древней Гре-
ции, особенно когда рядом учителя. Хотя некоторые спек-

такли вроде бы неплохи.

А ты в последнее время куда-нибудь выезжала? Подозреваю, что из сельского захолустья труднее добраться до какого-нибудь интересного места. Наши пансионерки, по крайней мере, могут сходить в театр: думаю, в этом смысле пансион в центре города имеет свои преимущества. Хотя, конечно, когда шанс *всё-таки* подворачивается, ты можешь съездить в Лондон, а это гораздо интереснее. Я до сих пор ужасно завидую твоей прошлогодней экскурсии в Национальную галерею на Трафальгарской площади, даже несмотря на то, что ты тогда споткнулась и чуть не рухнула прямо на картину Рафаэля.

Огромное тебе спасибо за рекомендации. С некоторыми книгами я, правда, уже знакома: например, пару месяцев назад прочла «Нортенгерское аббатство»⁶. Разве она не прекрасна? Мне вообще нравится читать о девушках нашего возраста – ну, почти нашего. Хорошо бы таких книг было побольше!

Пиши скорее!

С любовью,

Молли

P. S.

Должна сказать, что с того вечера я внимательно следила за Филлис, но, похоже, больше таким (или каким-либо ещё)

---

⁶ «Нортенгерское аббатство», 1817 – готический любовный роман английской писательницы Джейн Остин (1775–1817), классика английской литературы.

странным образом она дом не покидала. Сказать по правде, никто с тех пор не вёл себя странно (по крайней мере, не более странно, чем обычно). Даже Гарри сравнительно поутих. Сегодня вечером мы все собрались в гостиной и слушали, как папа читает последнюю главу своего эпического романа. Интересно, что сказало бы его начальство в департаменте, узнай они о его литературных амбициях? Есть у меня подозрение, что иногда он пишет роман даже у себя в кабинете, хотя должен заниматься тем, чем обычно занимаются в течение дня государственные служащие (я, правда, не очень понимаю, чем именно).

– Если бы только я раньше отыскал своё призвание, – заявил он сегодня, – то зарабатывал бы себе на корку хлеба пером, а не стал бы обычным винтиком правительственной машины (это у папы такое цветистое выражение, означающее «государственный служащий»). Честно говоря, я подумываю однажды всё-таки написать мистеру Рэдли заявление об отставке и посвятить себя искусству (мистер Рэдли – это постоянный секретарь его департамента).

– Не думаю, что это хорошая идея, – вмешалась Джулия, которая искренне заволновалась, хотя остальные-то понимали, что папа шутит (по крайней мере отчасти).

– Я тоже, – подхватила я, – тем более что достаточно большой корки этим не заработать. Норин дядя Джеймс – писатель, но видел бы ты его костюмы: сплошные заплатки.

Это, конечно, некоторое преувеличение, хотя и не слиш-

ком большое. Норин дядя Джеймс ужасно милый, но дела его идут не очень (а костюмы и впрямь выглядят поношенными: манжеты так и вовсе протёрты до дыр). Впрочем, по моему, он журналист, а не знаменитый писатель, каким хочет быть папа.

– О, не волнуйся, – сказал папа. – Я по-прежнему буду тянуть эту правительственную лямку и содержать вас всех с тем шиком, к какому вы, судя по всему, привыкли. А теперь кто хочет услышать десятую главу?

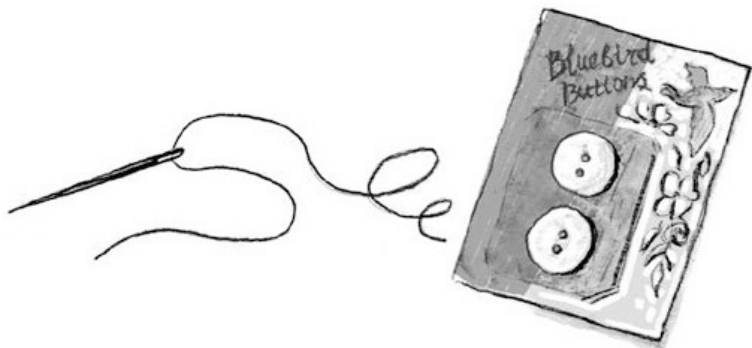
И хотя все мы, как обычно, застонали, сделав вид, что вообще не желаем ничего слышать, на самом деле мы этого очень даже хотели, потому что папин роман действительно весьма неплох. Честно говоря, он так хорош, что иногда я даже задаюсь вопросом: может быть, папа и впрямь СМОГ бы заработать пером на корочку хлеба весьма приличных размеров? Главный герой там – молодой человек, которого ложно обвиняют в краже драгоценностей (папа говорит, что на это его вдохновил *«Лунный камень»*⁷ Уилки Коллинза, который тоже очень хорош и тоже рассказывает об украденных драгоценностях). Молодой человек из папиного романа (его зовут Питер Фицджеральд) вынужден пуститься в бега, и теперь его преследуют как силы правопорядка, так и банда воров, которые убеждены, что драгоценности у него при себе (что, конечно, неправда, поскольку он их даже не крал).

---

⁷ «Лунный камень», 1868 – считается первым детективным романом в английской литературе.

Мы как раз дошли до того, что Питер Фицджеральд скрывается в домике некой таинственной старушки. Гарри считает, что она выдаст его банде, «поскольку у женщин нет чувства чести», но я с ним категорически не согласна. А папа, конечно, ничего не рассказывает: говорит, нам придётся подождать и услышать всё самим. Интересно, догадывается ли он, что в его собственном доме с его старшей дочерью происходит нечто загадочное?

19 апреля 1912 г.

Дорогая Фрэнсис,

спасибо тебе за письмо. Какое облегчение узнать, что учителя не читают вашей корреспонденции! Хотя Нора сказала, что, наверное, мне следовало бы это проверить *до* того, как что-нибудь тебе отправлять. Вроде бы в большинстве школ письма всё-таки читают, что, мне кажется, совершенно незаконно. Но Нора говорит, что в школе подобные законы ничего не значат, – по-моему, это ужасно несправедливо.

А ещё твои чудесные учителя везут тебя в Стратфорд!⁸ Просто потрясающе! Раньше я считала Шекспира ужасно

---

⁸ Стратфорд-на-Эйвоне – город в графстве Уорикшир в Великобритании, родина У. Шекспира.

скучным, но в этом году мы как раз читали «*Ромео и Джульетту*», и оказалось, что он очень неплох, честно-честно. «*Как вам это понравится*»⁹ вообще прекрасна, так что, думаю, увидев её в шекспировском родном краю (если можно так сказать), ты ощутишь прилив вдохновения и всё-таки начнёшь писать пьесу для театрального кружка. А написать её, я абсолютно согласна, тебе стоит. Но не расстраивайся, если одноклассницы решат по ставить что-нибудь испытанное, проверенное временем (то есть старое): в своём отечестве, как иногда говорит нам на уроках английского профессор Шилдс, пророка нет.

Да, если тебе интересно, Филлис теперь ведёт себя ещё более загадочно. Честно говоря, я считала, что капуста на шляпе и вылезание из окна уже сами по себе выглядят странными, но теперь она ещё и получает таинственные послышки! Представь, иду я вчера из школы по Драмкондра-роуд и вдруг замечаю чуть впереди Филлис с какой-то незнакомой женщиной в тёмно-зелёном пальто, судя по всему, увлечённых беседой. И когда они дошли до угла Клонлифф-роуд, та женщина передала Филлис какой-то свёрток. Я не смогла разглядеть, что это, но свёрток был не слишком большим, и Филлис тотчас же сунула его в свою сумочку. Потом таинственная женщина пересекла улицу и удалилась по Клонлифф-роуд, а Филлис пошла в сторону нашего дома.

Однако я успела перехватить сестру ещё до того, как она

---

⁹ «Как вам это понравится», 1623 – комедия У. Шекспира.

туда добралась, и Филлис аж подпрыгнула, когда я похлопала её по плечу.

– Это всего лишь я. А ты кого ждала? Полисмена?

Но напрасно я надеялась, что она, побледнев от чувства вины, сразу раскроет мне все свои страшные тайны, – она выглядела скорее раздражённой.

– Не говори ерунды. Я просто не ожидала, что кто-то подкрадётся ко мне со спины, вот и всё.

– И где же ты была? – поинтересовалась я.

– С Кэтлин, – быстро ответила Филлис. – Мы ходили в одну чайную в центре.

– А мне показалось, ты с кем-то разговаривала. Какая-то незнакомка в зелёном пальто.

Вот тут Филлис действительно побледнела. По край ней мере, стала чуть бледнее обычного. Но только на секунду.

– О, я наткнулась на одну из подруг Кэтлин, и та передала мне книгу, которую пообещала ей одолжить. Сама она зайти не может: не хочет подхватить грипп. Сестра Кэтлин как раз с ним слегла. Похоже, их семья чересчур восприимчива к микробам.

Ну, я, конечно, в жизни бы не доказала, что это неправда: может, та женщина в пальто и в самом деле подруга Кэтлин, ужасно боящаяся микробов, может, внутри свёртка и впрямь была всего лишь книга (хотя выглядело не особенно похоже), однако я абсолютно точно знала, что Филлис соврала. Но ей говорить ничего не стала.

Зато сегодня в школе я рассказала об этом Норе, и она (хотя склонности к фантазиям у неё нет) была вынуждена признать, что всё это довольно подозрительно:

– Может, она действительно стала революционеркой?

Но я сказала, что не думаю, будто у Филлис вообще есть политические взгляды.

– Она о таких вещах никогда даже не упоминала.

– При тебе, – возразила Нора. – Но это не значит, что у неё их нет. Может, она решила, что ты всё равно не поймёшь. И, вероятно, была права.

Я, разумеется, почувствовала себя несколько оскорблённой: как она могла подумать, что я не из тех сестёр, которым революционерки могут доверять?

– Уж я бы, конечно, маме с папой ничего не сказала. Ну, скорее всего. Если бы только не решила, что она затевает что-то опасное.

– Вот видишь.

– В нашей семье вообще в политике не разбираются. Не то что твоя тётя. Родители, как и все вокруг, за старый добрый гомруль.

– Это ещё ничего не значит, – настаивала Нора. – Людям не обязательно придерживаться тех же политических взглядов, что и их родители. Иначе в мире вообще ничего не изменится.

Нора, конечно, иногда любит строить из себя всезнайку, но это она очень точно подметила. Что, впрочем, ещё не

означает, будто Филлис и в самом деле решила затеять революцию. Просто теперь я буду за ней наблюдать.

– Ты имеешь в виду шпионить, – кивнула Нора. Прозвучало грубо, но что тут поделаешь: особой разницы между наблюдением за Филлис и слежкой я не вижу. Хотя, как я сказала Норе: «Ничего по-настоящему подлого и бесчестного, вроде как читать её письма или что-нибудь в том же духе, я делать не собираюсь. Просто буду и дальше отмечать всё более-менее загадочное в её поведении». Так я и собираюсь поступить.

Ты ведь не думаешь, что она могла вляпаться в историю с кражей драгоценностей, как Питер Фицджеральд? Всё бы разом и объяснилось. Хотя, конечно, это кажется даже менее вероятным, чем её революционная деятельность.

Правда ужасно то, что случилось с «Титаником»¹⁰? Джулия прочитала пару газетных репортажей, и ей потом снились кошмары. По правде сказать, я и сама не могу перестать об этом думать. Вот ведь бедняги! Мы все молились за них. Говорят, тётя одной девочки из старшего класса плыла на том корабле, но они получили телеграмму, что ей удалось спастись.

Вы молодцы, что выиграли хоккейный матч. Поскольку моя школа находится прямо в центре города (ну, от Эклс-

---

¹⁰ «Титаник» – британский роскошный трансатлантический лайнер, построенный в 1912 году. Потерпел крушение в Северной Атлантике в ночь с 14 на 15 апреля 1912 года во время первого рейса.

стрит до Сэквилл-стрит можно дойти минут за пятнадцать), территория у нас не такая большая, как в вашей английской глуши, но тоже есть свой теннисный корт и хоккейная команда (старшие девочки подумывают собрать ещё команду по хёрлингу¹¹, это что-то вроде хоккея, но дальше разговоров дело пока не пошло). К счастью, играть в хоккей нас не заставляют – как ты знаешь, мне такое не по душе. *Зато* два раза в неделю гоняют на гимнастику и танцы, а с гимнастикой, которая в целом сводится к нескольким глупым упражнениям, у меня просто катастрофа (хотя в танцах я весьма хороша, что даже Нора признаёт). Может, после окончания школы мне стать профессиональной танцовщицей? Стоит заявить, что собираюсь, – хотя бы ради того, чтобы увидеть лицо тёти Джозефины...

Пиши скорее!

С наилучшими пожеланиями,

Молли

P. S.

Мама вечно твердит мне, что не надо оставлять письма в ящике стола, потому что они могут пролежать там целую вечность, пока я их отправлю. Но в этот раз моя дурная привычка оказалась даже к лучшему: вчера вечером я сделала

---

¹¹ Хёрлинг (*англ.* hurling) – традиционная кельтская спортивная игра с деревянными клюшками и маленьким мячом, похожая на хоккей на траве. Распространена преимущественно в Ирландии, а также в других англоговорящих странах.

потрясающее открытие и, к счастью, ещё не запечатала это письмо в конверт, так что теперь могу добавить постскрип-тум и всё тебе рассказать.

Во-первых, увидев у Филлис тот свёрток, я сразу поняла, что это не книга, и оказалась права. Во всяком случае, не только книга – хотя книга там тоже могла быть. Но по большей части это оказались листовки. И теперь я это точно знаю, потому что своими глазами видела, как Филлис отдала их Мэгги. Я сидела в столовой, корпела над алгеброй и была настолько поглощена иксами и игреками, что даже голова разболелась, поэтому пошла на кухню за стаканом воды. Дверь на кухню оказалась приоткрыта, и когда я спустилась по лестнице, то услышала, как Филлис о чём-то говорит с Мэгги. И вот, уже второй раз всего за пару недель, я притаилась за дверью и тихонько заглянула внутрь.

Мэгги помешивала что-то на плите, а Филлис прислонилась к стене между ней и большим посудным шкафом. И в руках у неё был знакомый свёрток – тот самый, что всего несколько часов назад дала ей таинственная женщина.

– Не стоило приносить их сюда, – ворчала Мэгги. – Говорила я тебе, хватит уже обсуждать дома такие вещи.

– О, не волнуйся, Мэгги, мама никогда ничего не замечает, – ответила Филлис, но запнулась. – А вот Молли видела, как миссис Даффи передала мне свёрток.

Мэгги резко обернулась.

– Поосторожней с этим, Филлис! – воскликнула она. – Ес-

ли твоя мать узнает, я могу потерять место, а ты останешься без университета. И с делом тоже можешь попрощаться. Стоит кому-нибудь что-нибудь заподозрить, тебя закупорят подальше отсюда в компании одной из этих твоих тёток, и к митингам ты тогда даже на пушечный выстрел не подойдёшь.

– Молли никому не скажет, – уверенно заявила Филлис. – Она хороший ребёнок и вовсе не ябеда. Кроме того, я её завила, что это книга для Кэтлин.

Должна сказать, после таких слов я почувствовала себя низкой, подлой шпионкой. Филлис меня хвалила (в лицо она, конечно, ничего столь же милого мне никогда не говорила), а я подслушивала под дверью! Но при этом заставить себя уйти я не могла.

– И всё равно, ты почти попалась, – буркнула Мэгги и, вздохнув, добавила: – Как они хоть выглядят?

Филлис отогнула край свёртка и достала какие-то листовки.

– Вот, сама погляди.

Мэгги взяла одну, но она стояла ко мне спиной, и я не смогла понять, что там написано. Хотя ей, похоже, понравилось.

– Ну, должна признать, отличная работа, – кивнула она. – Но, как я уже сказала, пора перестать обсуждать это дома. В любой момент может кто-нибудь войти.

И, взяв у Филлис свёрток, она положила его в ящик шка-

фа. И повернулась к двери. Я тотчас же отскочила назад, а потом, очень громко топая, практически печатая шаг, двинулась в их сторону и распахнула дверь.

– Привет! Мэгги, а можно мне стакан воды?

Я боялась, что голос прозвучит слишком бодро, но Мэгги с Филлис, казалось, были так потрясены моим появлением, что вряд ли заметили, насколько я сама нервничаю.

– Конечно, можно, – ответила Мэгги и полезла в буфет за стаканом.

– Я пойду к себе, – пробормотала Филлис. – Нужно столько писем написать... – и, даже не кивнув, вышла из комнаты.

Я ещё некоторое время пробыла на кухне, беседуя с Мэгги и уплетая вкуснейшее печенье, которое она приготовила с утра. Но всё то время, пока Мэгги рас спрашивала меня о школе, а я рассказывала ей о Грейс Молинье и о том, как безобразно та вела себя по отношению к нам с Норой на занятиях гимнастикой и танцами (жаловалась мисс Норен, будто мы больше болтаем, чем взмахиваем руками, отлынивая от столь полезных для здоровья упражнений), я могла думать лишь о свёртке с листовками, лежащем совсем близко, в ящике шкафа. И хотя я знала, что так делают только подлые шпионки, но всё равно поклялась себе, что чуть позже, когда все лягут спать, обязательно на них взгляну.

Но не смогла. Я прикладывала безумные усилия, лишь бы допоздна не ложиться в постель, пыталась придумывать всякие интересные и захватывающие истории, чтобы не уснуть,

но предыдущие шпионские вылазки так меня измотали, что веки стали смыкаться сами собой. А в следующую секунду я обнаружила, что на часах семь утра. Я, конечно, знала, что Мэгги уже на ногах, протирает пыль в столовой и разжигает камин, но всё-таки, накинув халат и тапочки, так тихо, как только могла, прокралась на цыпочках через спящий дом. А добравшись до холла и услышав, как в столовой гроыхает кочерга, поняла, что ещё по крайней мере пару минут Мэгги там пробудет, и быстро сбежала по ступенькам на кухню.

Однако, открыв ящик шкафа, чтобы взглянуть на листовки, я увидела, что их уже нет! Можно было догадаться, что Мэгги не оставит их там, где любой сможет найти, – раз она так обеспокоена самим фактом, что они в доме. Наверное, она вернула их Филлис или спрятала в более безопасном месте. А до того, чтобы рыться в её личных вещах, я опускаться всё-таки не собиралась.

Закрыв ящик, я намазала маслом ломоть подсохшего хлеба: когда ешь, всегда лучше думается. Мэгги уже заварила чай, и он даже ещё не остыл, поэтому я налила себе чашку и уселась за кухонный стол. Задача шпионить за Мэгги и Филлис меня, если честно, не особенно радовала – ни раньше, ни теперь, но, начав расследовать эту тайну, остановиться я и впрямь уже не могу. Интересно, а смогу я разом всё это бросить? Или, например, подойти и в лоб спросить у Филлис или Мэгги, что происходит? Хотя, подумала я, тщательно пережёвывая бутерброд, даже сделай я это, они наверня-

ка ничего мне не скажут. Собственно, я всё ещё размышляла об этом, когда дверь кухни отворилась и вошла Мэгги. И, увидев меня, чуть не выронила совок.

– А ты что здесь делаешь? – воскликнула она. – Тебя же по утрам из постели не вытащишь!

– Не спится, – сказала я. Очередная ложь. – Ничего, что я пью твой чай?

– Нет, конечно, – ответила Мэгги. – В чайнике ещё много. Но хлеб только вчерашний.

– Да я не против.

– Если что, пекарь скоро принесёт свежий. А пока, уж прости меня, ранняя пташка, мне нужно подмести лестницу, – и она направилась к двери. Я хотела было спросить её о листовках, но не хватило духу: стоило только об этом заикнуться, она бы сразу поняла, что я за ней шпионила, а мне и без того было стыдно. Но я по-прежнему хочу выяснить, к чему это всё. Похоже, Филлис с Мэгги действительно революционерки. Иначе зачем им листовки?

А вот теперь я решительно намерена запечатать и отправить это письмо. И напишу снова, как только что-нибудь случится. Я ведь очень скоро всё выясню, правда?

1 мая 1912 г.

Дорогая Фрэнсис,

огромное тебе спасибо за замечательное письмо. Мне уже нравится эта твоя новая учительница ан глий ского. Похоже, с ней гораздо веселее, чем с про фессором Шилдс, которая преподаёт у нас английский и французский и у которой глаза как у ястреба, а уши – как у летучей мыши (в смысле, такие же чувствительные: выглядят-то они совершенно обычно). Ей около тридцати, и она довольно симпатичная, но в классе у неё невозможно ни поболтать, ни записку незаметно передать. Впрочем, должна признать, если не считать поразительной способности замечать каждую мелочь, профес-

сор Шилдс ещё ничего. По крайней мере, она не так плоха, как учившая нас в прошлом году сестра Огастина, обладательница самого скучного в мире голоса. Хотя мне вообще непросто думать про школу с тех пор, как я узнала правду о Филлис и Мэгги. Да, теперь я знаю всё (или, по крайней мере, думаю, что знаю), и это потрясающе! Оказывается, они *и правда* революционерки – ну, вроде того. Они СУФРАЖЕТКИ!

Да-да! Настоящие суфражетки! По крайней мере, Филлис точно, а Мэгги её поддерживает. Не могу поверить, что я раньше об этом не догадалась (хотя и Нора тоже: не одной же мне быть такой бестолковой)! Но теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что это всё объясняет. Может, Филлис и не интересуется политикой, но она определённо сочувствует женщинам, способным делать то, что мужчины не считают для них подходящим. Смотри сама: она ведь настояла на поступлении в университет. А пару лет назад купила велосипед, хотя отец Томас (наш дядя, священник) сказал папе, что женщины на велосипедах – это просто стыд и срам и чтобы мы знали: в следующий раз Филлис напялит брюки и закурит сигару (ни того ни другого она, насколько мне известно, пока не делала, но кто знает, может, ещё сделает? Теперь уже и не знаешь, чего от неё ждать).

В общем, то, что Филлис оказалась суфражеткой, ничуть не удивительно. Но всё-таки я до сих пор несколько потрясена: ведь желание поступить в университет ещё не означа-

ет, что ты хочешь получить право голоса, а даже если такое желание у тебя есть, это ещё не значит, что ты и вправду будешь ходить на митинги, писать лозунги на тротуарах и маршировать с плакатом, рассказывая об этом прохожим, а также делать всё прочее, что, похоже, устраивают суффражетки. Многие люди чего-то хотят, но ничего для этого не предпринимают. А Филлис определённо что-то делает, и Мэгги ей помогает. И мне ужасно трудно в это поверить.

Вот как я обо всём узнала. Это произошло сегодня вечером – хотя кажется, что прошло уже гораздо больше времени. Мы выпили чаю, и я осталась в столовой доделывать латынь (на этот раз Овидия, разглагольствующего о своей последней ночи в Риме). Мама в гостиной без конца играла «*Турецкий марш*» Моцарта, причём очень громко: верный признак хорошего настроения; эти громовые раскаты я слышала даже сквозь тяжёлые деревянные двери, отделяющие гостиную от столовой. Латинская поэзия, как ты знаешь, ужасно занудна, а от сочетания Овидия с Моцартом я и во все никак не могла сосредоточиться больше чем на пару минут, постоянно обнаруживая, что смотрю в окно. Тогда-то я и увидела, как Филлис осторожно закрывает заднюю дверь и тихонько направляется к калитке. И сразу поняла, что нужно сделать. Овидию придётся подождать (насколько я понимаю, он вообще может ждать вечно, хотя в данном случае, вернувшись домой, мне пришлось его доделать).

Ты, Фрэнсис, конечно, можешь подумать, что дальнейшие

мои действия были подлостью и низостью. И, честно говоря, так оно, наверное, и было (знаю, в последнее время я вообще веду себя довольно подло). Но я всё равно это сделала: вскочила со стула, ринулась в холл, подхватила пальто (которое кинула на лестнице, даже не повесив на вешалку), крикнула. «Мам, я к Норе за учебником», – и, прежде чем она успела что-либо сказать (или хотя бы дать мне понять, что услышала), выскользнула из дома через заднюю дверь (Мэгги мыла посуду, так что мне не пришлось врать ей, куда я иду). Потом юркнула в калитку и бросилась бежать по переулку. Может, я и не очень сильна в гимнастике и танцах, но, как ты, наверное, помнишь, в беге мне равных нет. Так что, когда я выскочила из переулка, Филлис даже ещё не успела добратсья до перекрёстка.

Мне не хотелось, чтобы она меня видела, поэтому я держалась на расстоянии (на самом деле особого выбора у меня не было: я так задыхалась, что едва могла идти. Я способна выиграть любой забег, но только очень короткий). В любом случае на то, чтобы следовать за Филлис по широкой улице, дыхания мне хватало. На миг я испугалась, что она перейдёт дорогу и сядет на трамвай (это сорвало бы весь мой план, поскольку денег на проезд у меня в кармане не оказалось), но она этого не сделала, а отправилась в сторону центра города пешком.

До сегодняшнего дня мне не разрешали гулять одной. Папа не очень-то рад, даже когда это делает Филлис, – потому

она, наверное, и выбирается через заднюю дверь. Я, конечно, хожу в школу, но только вдвоём с Норой, а вот Джулию, которая заканчивает раньше, забирает Мэгги. Дай тётё Джозефине волю, Мэгги пришлось бы потом возвращаться и за мной, но мама считает это бессмысленной тратой времени, а я и с Норой прекрасно дойду.

Правда, между нашим домом и Сэквилл-стрит много улиц, «вовсе не подходящих для девушек вроде тебя», как сказала бы тётя Джозефина. Но мне так хотелось узнать, что скрывает Филлис, что я не бросала слезки. На самом деле всё оказалось не так уж и страшно, хотя после Эклс-стрит нам попадалось всё больше и больше детей (а иногда даже мужчин и женщин) без обуви. Пару раз мальчишки-оборванцы выкрикивали что-то грубое про ленты в моих волосах, когда я проходила мимо, но я не обращала на них внимания.

Я преследовала Филлис через Ратленд-сквер на Сэквилл-стрит. На улице было полно народу, и в какой-то момент я даже решила, что могу её упустить. Но, к счастью, Филлис надела одну из нелепых шляп Кэтлин, украшенную чем-то похожим на ботву ананаса, так что найти её в людской толчее оказалось проще простого. Она прошла улицу до конца, мимо всех цветочных лавок, потом миновала колонну, повернула налево, на набережную Иден-куэй, и спустилась к таможене. Я уже понемногу начала нервничать, поскольку прогуляться в центр – это одно, а бродить по докам, куда, похоже, и направлялась Филлис, – совсем другое. И если я

выделялась из толпы даже на улицах, где было полно жилых домов, то там я выделялась бы ещё больше – как, впрочем, и Филлис.

Однако, дойдя до конца набережной, буквально напротив таможни, Филлис остановилась у большого здания со свеженарисованной вывеской, гласящей, что здесь находится штаб-квартира профсоюза. Я уви дела, что там её встретила какая-то женщина – примерно маминого возраста, то есть того же, что и незнакомка в зелёном пальто: высокая, худощавая, с длинными тёмно-русыми волосами, торчачими из-под огромной соломенной шляпы. Я спросила себя, не та ли это женщина, которую я застала пару недель назад за передачей Филлис свёртка. И тотчас же окончательно в этом убедилась, поскольку она дала Филлис ещё один свёрток: на этот раз я ясно увидела, что в нём были газеты или журналы. Потом они вместе перешли улицу по направлению к таможне. Я, разумеется, последовала за ними, хотя к тому времени была уже порядком напугана и, переходя улицу, ЧУТЬ не попала под автобус.

Но ещё до того, как выскочить из-под автобуса, я заметила у ограды таможни скопление людей и сперва подумала, что смогу среди них затеряться. Но вскоре осознала, что все эти люди были теми, кого мама с папой называли «работягами», и затеряться среди них четырнадцатилетней девочке в лаковых туфлях и новом пальто будет решительно невозможно. Как, впрочем, и Филлис (хотя готова поспорить, в

этой нелепой шляпе она нигде бы не смогла затеряться). Что здесь вообще происходит?

Подойдя поближе, я наконец увидела, ради чего эти люди здесь собрались: стоявшая на каком-то ящике женщина произносила речь. Она была довольно молодой – наверное, чуть за тридцать, в очень симпатичном пальто и очках. На лацкане пальто виднелась зелёно-бело-оранжевая розетка. Я стала протискиваться сквозь толпу, одновременно стараясь не попасться на глаза Филлис, которая теперь стояла у самого ящика. Некоторые мужчины провожали меня недоумёнными взглядами, но никто ничего не говорил, пока один, повернувшись к товарищу, не бросил: «Уже и таких молоденьких в самую свару тащат!» Но прозвучало это не зло или неодобрительно: казалось, он почти восхищён.

Теперь я слышала, что говорит женщина.

– Мы, женщины, – такие же разумные и работающие люди, как мужчины. И всё же к нам относятся как к детям. Если мы работаем, то должны платить налоги, но не имеем права решать, как эти налоги расходовать. Нам с детства твердят, что нужно во всём полагаться на мужчин.

И я вдруг подумала о Гарри, который всегда забирал себе лучшие куски курицы.

– Но у нас тоже есть потребности, у нас есть собственный голос, – выкрикивала женщина. – Мы здесь не для того, чтобы отнять то, что принадлежит мужчинам. А для того, чтобы потребовать то, что по справедливости должно быть нашим:

право высказывать своё мнение. Право голосовать!

– Чертовски много богатеньких дамочек и так имеют право голоса, – взревел мужчина рядом со мной, – хотя у работы вроде меня и того нет.

А ведь мужчины, не владеющие собственностью, тоже не могут голосовать, вспомнила я.

– Мы, женщины, требуем права голоса на тех же условиях, что и у мужчин, какими бы эти условия ни были, – ответила женщина на импровизированной трибуне. Я увидела, что на её розетке написано «ПРАВО ГОЛОСА ДЛЯ ЖЕНЩИН». – И если эти условия после билля о гомруле изменятся, то пусть меняются и для женщин.

Я даже слегка опешила. Так вот в чём разгадка! Выходит, Филлис (а вместе с ней, полагаю, и Мэгги, поскольку обе в этом замешаны) – вовсе не революционерка-фения¹², а суфражетка?

Честно говоря, не знаю, что тебе известно о суфражетках. Должна признать, до вчерашнего вече ра у меня о них складывалось совершенно иное впечатление. Взрослые всякий раз упоминали их далеко не одобрительно. Помню, однажды папа, увидев фотографию в журнале, сказал: мол, если женщины и в самом деле хотят доказать, что заслуживают права голоса, им не следует выставлять себя на посмешище, мар-

---

¹² Фениями (в честь легендарной дружины древнеирландского героя Финна Маккула) называли себя ирландские революционеры, выступавшие за отделение от Великобритании и создание самостоятельной Ирландской Республики.

шируя по улицам с плакатами. Мама тогда ничего не ответила, но и с ним не согласилась. Ещё, помню, слышала, как тётя Джозефина разглагольствует о «бестолковых женщинах, которые должны сидеть дома, с детьми – если, конечно, они у них есть». Она не раз говорила маме, что те «как мартышки, просто копируют англичанок, пытаясь криками и воплями выбить себе право голоса». А ещё постоянно твердит, что женщины вполне могут воспользоваться правом голоса, наставляя своих мужчин и давая им полезные советы (что мне лично всегда казалось далеко не самым эффективным способом донести до общества своё мнение). Не могу, правда, вспомнить, что отвечала на всё это мама. Помню только, что послушать тётю Джозефину, так суффражетки – это всего лишь кучка взбалмошных истеричек, способных разве что на глупые ребяческие выходки.

Но стоявшая на ящике женщина вовсе не выглядела истеричкой. Она была просто изумительна. Кое-кто из мужчин отпускал в её сторону грубые замечания (по крайней мере, я посчитала их грубыми, поскольку некоторые даже не смогла понять), но многие казались искренне заинтересованными и задавали массу вопросов. Вскоре я уже совсем забыла про Филлис и только слушала эту даму. А она говорила о том, что мужчин и женщин в мире поровну, и спрашивала, почему в таком случае женщин лишают власти (и лучших кусочков курицы, думала я), упоминала об умных, талантливых женщинах, чьи способности так и не проявились, «поскольку не

могли найти себе выхода». В общем, она заставила меня задуматься о вещах, которые мне никогда раньше и в голову не приходили.

Когда я слышу, как взрослые люди говорят о политике, речь по большей части идёт о гомруле и независимости, то есть о вещах, с реальной жизнью не связанных. Но слова этой женщины заставили меня задуматься о том, что политика *может* иметь отношение и к реальной жизни: даже к нам, девочкам, подающим Гарри и папе вкусные обеды, к нам, штопающим их носки, к Филлис, которой приходится бороться за право поступать в университет, хотя Гарри считает своё поступление само собой разумеющимся. Почему мама не должна иметь права голоса, если тот же Гарри через пять лет его получит? И почему, спрашивается, мы никогда не говорили о таких вещах? Может, потому, что с самого детства считаем, будто мальчикам уготовано одно, а девочкам – совершенно другое, не столь интересное?

Когда дама закончила, многие мужчины захлопали, хотя было и несколько неодобрительных выкриков. Я сама хлопала так сильно, как только могла. А потом вспомнила про Филлис: она по-прежнему стояла возле импровизированной трибуны с пачкой журналов в руках. Вот мужчина, одетый чуть лучше большинства остальных, подошёл к ней и вручил монету, а она дала ему журнал. На обратном пути он прошёл мимо меня, и я увидела, что журнал называется «*Право голоса для женщин*». Но только я собралась улизнуть, чтобы

поскорее добраться домой, как Филлис меня заметила. Она на секунду замерла, а потом с перекошенным от ярости лицом бросилась ко мне. Кажется, я в жизни не видела, чтобы она так злилась, даже когда однажды обнаружила, что мы с Норой примеряем её кружевные воротнички.

– Ты что здесь делаешь? – прошипела она. – Следила за мной? Впрочем, можешь не утруждаться ответом: я и так всё знаю, подлая ты мелкая шпионка!

Я почувствовала, что краснею, потому что она, разумеется, была права.

– Я знала, что ты что-то скрываешь, – пробормотала я, но сама поняла, насколько беспомощно это прозвучало.

– Это не твоя забота, – отрезала Филлис. – А здесь тебе и вовсе нечего делать. Неподходящее место для девушки. – Она говорила совсем как тётя Джозефина.

– Так значит, и для тебя, если уж на то пошло.

– Ты же не наябедничаешь папе с мамой, правда? Лучше и не думай, бессовестная шпионка!

– Конечно нет! – воскликнула я. – О Филлис, знаю, мне не стоило за тобой следить, но чего я точно не хочу, так это чтобы ты влипла в неприятности. Я никому не скажу, честно-честно!

Филлис слегка смягчилась, но не сильно.

– Думаю, мне лучше отвезти тебя домой, – и она подозвала другую девушку, тоже державшую пачку журналов. – Мейбл, ты не могла бы взять и мою партию? Очень тебя про-

шу. Тут объявилась моя сестра, а я никак не могу отправить её домой одну.

– Конечно, – ответила Мейбл, высокая блондинка с милой улыбкой, примерно тех же лет, что Филлис. Моя сестра отдала ей журналы и крохотную выручку.

– Я продала только один, – извиняющимся тоном проговорила она. – И ещё один купила для себя.

– По средам на митингах никогда много не покупают, – сказала Мейбл. – Но разве миссис Джойс не прекрасна?

Миссис Джойс, вероятно, была та женщина, что производила речь. Филлис согласилась, что она вос хитительна, попрощалась с Мейбл, потом молча схватила меня за руку, и мы направились обратно по набережной Иден-куэй. Она не произнесла ни слова, пока мы не добрались до Сэквилл-стрит, и только там, резко обернувшись ко мне, поинтересовалась:

– Деньги-то у тебя есть?

Я покачала головой.

– Отлично, – поморщилась Филлис. – Мне ещё и за трамвай платить.

Трамвайная остановка оказалась рядом, прямо на Сэквилл-стрит. Мы молча уселись рядом. Филлис держала в руках только что купленный журнал, и я принялась с интересом его разглядывать. Раньше мне ещё не приходилось слышать о журнале суфражеток. Папа иногда покупает «Блэк-

вуд» или «Стрэнд»¹³, а кое-кто из девочек время от времени приносит в школу женские журналы: сплошь мелодраматичные рассказы, модные наряды да новости из Лондона. Монашки всего этого не одобряют, поэтому девочкам приходится их прятать и тайком передавать из рук в руки. Кроме того, есть всевозможные религиозные журналы с историями из жизни святых и миссионеров. Но я как-то не могла себе представить, чтобы журнал суфражеток оказался на них похож. Как, впрочем, и на женские журналы.

Мы были уже на полпути домой, но до сих пор не сказали друг другу ни слова. Филлис выглядела слишком рассерженной, чтобы что-либо обсуждать, я чувствовала себя слишком виноватой. Но в итоге всё-таки решилась:

– Филлис?

Прошло несколько секунд, и я уже думала, что ответа не будет, но она наконец сказала:

– Что тебе?

– Как долго ты... – она с такой яростью взглянула на меня, что я запнулась и постаралась побыстрее закончить: – ...этим занимаешься?

– Странно, что ты этого ещё не выяснила, – хмыкнула Филлис, вскидывая голову. – Похоже, ты уже давно следишь за каждым моим шагом.

При этом у неё выпала шпилька: такое вообще частенько случалось с тех пор, как Филлис начала укладывать волосы,

---

¹³ Ежемесячные литературные журналы.

поскольку у неё типичные для Карберри непослушные кудри. Но на этот раз я не посмела ей об этом сказать.

– А зачем уходить через сад? – спросила я. – Ты и несколько недель назад так улизнала, я видела.

– Потому что так короче. А я опаздывала.

Об этом я как-то не подумала.

– Но на прошлой неделе ты вообще вылезла из окна.

– Просто мама знала, что Кэтлин болеет, а если бы они с тётей Джозефиной поняли, что я ухожу одна, то назадавали бы мне уйму дурацких вопросов, – призналась Филлис. – Так что ни через переднюю, ни через заднюю дверь я выйти не могла: пришлось бы пройти мимо одной из них. И всё-таки, как давно ты за мной шпионишь?

– О, не будь такой, Филлис, – заныла я. – Мне правда очень жаль. И ещё ужасно интересно.

– Да ну? – недоверчиво переспросила Филлис.

– О, ещё как, – заверила её я. – Та женщина произнесла прекрасную речь.

– Вот уж не думала, что тебе это может быть интересно.

– Я, по правде сказать, тоже. Но, мне кажется, ничего подобного я раньше и не слышала.

– Ты меня удивляешь. Неужели учителя в этой твоей школе...

– При мне они точно об этом не упоминали. А теперь расскажи, пожалуйста, как ты в это ввязалась. Ну, в смысле, стала суфражеткой.

– Мне, если честно, не особенно нравится это слово, – поморщилась Филлис. – Хотя, конечно, многие из нас его употребляют. Но придумали его не мы, а наши противники.

Должна признаться, мне слово тогда скорее понравилось, да и сейчас тоже.

– И всё же, как ты начала бороться за право голоса для женщин? – поинтересовалась я. Мы уже добрались до Дорсет-стрит, скоро будем дома, и кто знает, расскажет ли тогда Филлис хоть что-нибудь.

– Это всё Агнес, тётя Кэтлин.

– Такая высокая, с кудряшками? – переспросила я: мы встречались в прошлом году на рождественском вечере в доме Кэтлин, она была тогда очень элегантно одета.

– Именно, – подтвердила Филлис. – Мы с Кэтлин несколько месяцев назад заходили к ней на чай, и я заговорила об университете и о том, что очень хочу, ну, знаешь, чтобы у девочек была возможность делать то же, что и мальчики. И тогда она дала мне почитать одну книгу...

– О том, как стать суфражеткой? То есть... о праве голоса для женщин?

– Нет, роман. Его написала женщина по имени Констанс Мод, называется «*Не сдавайся*». Речь там идёт о суфражетках в Англии, хотя одна из них – ирландка. Ну, она ужасно напыщенная, но главное, что ирландка. В общем, после этого я... даже не знаю... стала смотреть на всё несколько иначе. Замечать такие вещи, которые раньше не замечала.

Совсем как я, послушав миссис Джойс возле здания таможни, подумала я.

– А однажды их заметив, – продолжала Филлис, – я уже не могла перестать замечать. Поэтому в следующий раз, когда встретила Агнес в гостях у Кэтлин, рассказала ей, что книга мне очень понравилась и что вся эта суфражистская тема меня очень заинтересовала. А она взглянула на меня и говорит: «Хочешь чем-нибудь помочь?» Ну я и помогаю.

Вскоре, как объяснила мне Филлис, она прочла множество книг, статей и брошюр о суфражетках (знаю, она не одобряет этого слова, но всё же довольно часто его употребляет), даже начала покупать *«Право голоса для женщин»* – это такой английский журнал: на Грейт-Бритейн-стрит есть газетный киоск, где он продаётся. Потом стала посещать митинги: похоже, они проходят почти каждую неделю, по средам, субботам и воскресеньям – в Феникс-парке. А несколько недель назад вышла с плакатом на какую-то демонстрацию, устроенную Джоном Редмондом (ты должна его знать, он лидер Ирландской парламентской партии). Иногда они с Кэтлин ходят в центр и крупными буквами пишут мелом на тротуаре суфражистские лозунги или объявления о митингах.

– А Мэгги-то как в этом замешана? – спросила я.

– Она нашла у меня номер *«Права голоса для женщин»*, – призналась Филлис. – А когда я попросила не рассказывать об этом маме, заявила, что ей бы такое и в страшном сне

не приснилось. И мы вроде как поглядели друг на друга минутку, а потом Мэгги сказала, что и сама очень интересуется нашим делом, но времени на реальную помощь у неё не хватает. Ты же знаешь, у неё сестра в профсоюзе.

– Дженни? – удивлённо воскликнула я. – Нет, я не знала.

Сестра иногда навещает Мэгги, мы её уже тысячу лет знаем.

– Ну, в общем, она в профсоюзе и тоже нас поддерживает. Так что я приносила Мэгги листовки и всё остальное, и часть она отдавала Дженни.

Тут трамвай как раз подошёл к нашей остановке. Когда мы вышли, Филлис, похоже, вспомнила, что злится на меня, и по дороге до дома почти ничего не сказала, хоть я и пыталась её расспрашивать.

О нет! Я слышу мамины шаги на лестнице, хотя уже час как должна спать. А я ещё даже не помолилась! Допишу завтра.

Четверг

Вот уж не знаю, чего ради я утруждалась выключать вечером свет, если всё равно почти не спала, а только не переставая думала о том, что рассказала Филлис. Спустившись к завтраку, я хотела обсудить это с Мэгги, но она оказалась слишком занята, так что шансов у меня не было. А вчера я не успела ничего ей сказать, потому что моё долгое отсутствие привело маму с папой в дикую ярость.

– Ты прекрасно знаешь, что мы не разрешаем тебе вот так просто сбегать, – заявила мама.

– Но я же сказала, что иду к Норе!

– Я не расслышала, что ты там вопила. И в любом случае это не повод шататься где-то целых два часа.

Мне пришлось лечь спать без ужина, хотя я и объясняла, что мы с Норой учили латинские глаголы (что, конечно, было враньём, но мама-то этого не знала. А если бы я и в самом деле учила латинские глаголы, было бы ужасно несправедливо меня за это наказывать). Впрочем, насколько я понимаю, наказания на этом не закончились.

Гарри, разумеется, снова отпускал дурацкие комментарии – на этот раз о том, что девчонки даже время не умеют определять. Но он и близко не такой остроумный, каким себя считает.

«Всё мы прекрасно умеем, – ответила я. – Просто слишком увлеклись латынью, вот и не заметили, что уже поздно». (К этому моменту я уже столько раз соврала, будто мы с Норой учили латынь, что сама почти в это поверила, а это, если подумать, даже несколько пугает.) Потом я напредила Гарри, что моя школа – одна из лучших в стране по результатам годовых экзаменов, включая математику. Но он только расхохотался и, бросив напоследок: «Лучшие результаты среди девчонок? Это не слишком-то много значит», – удалился к себе.

Иногда я и в самом деле готова его убить. А ещё снова

вспомнила, как та дама на митинге говорила, насколько по-разному в обществе относятся к мужчинам и женщинам.

В общем, ладно. Несмотря на то, что у родителей я всё ещё в немилости, мне очень хотелось похвастаться Норе, что я раскрыла тайну Филлис. В школу нас с утра провожал этот отвратительный Гарри, так что говорить я не могла, а как только он ушёл, мы наткнулись на нашу подругу Стеллу. Выходит, до первого урока, французского, у меня не было возможности поделиться с Норой новостями, и пришлось передать ей записку, в которой говорилось: «ФИЛЛИС – СУФ-РАЖЕТКА!!!» Как я уже говорила, обмениваться записками на уроках французского у профессора Шилдс всегда довольно рискованно из-за её сверхъестественного слуха и ястребиного зрения, но я и правда не могла больше сдерживаться, поэтому нацарапала эти два слова на клочке бумаги и передала сидевшей за соседней партой Норе. Прочитав записку, она выглядела ужасно удивлённой и, едва профессор снова отвернулась к доске, прошептала мне: «Это как?»

Но не успела я написать следующую записку, как профессор Шилдс, словно кобра, повернула к нам голову: очевидно, что-то заметила. И не только она. Грейс Молиньё, сидевшая позади Норы, определённо видела и как я передала записку, и как Нора на неё отреагировала.

– Всё в порядке, мисс Кентуэлл? – поинтересовалась профессор Шилдс.

– Да, профессор Шилдс, – ответила Нора. И больше я

до самого конца урока не осмеливалась на неё взглянуть. А это было очень скучно. Мы занимались глаголами – учились произносить по-французски: «Я продала тётину авторучку. Я продаю тётину авторучку. Я продам тётину авторучку». Уж и не знаю почему, но ничему полезному нас, по-моему, ещё не учили. Зачем тогда вообще нужны эти уроки французского (точнее, *en français*, как говорят во Франции. Полагаю, чему-то я всё-таки научилась)? Если бы я на самом деле попыталась продать авторучку тётки Джозефины, меня бы, наверное, арестовали за кражу – уж она бы позаботилась.

Наконец, после получаса пустословия о столах наших дядюшек и платьях наших матерей, урок французского закончился, и профессор Шилдс вышла из класса. Но Грейс набросилась на меня даже прежде, чем я успела сказать Норе хоть слово.

– Ненавижу быть занудой, – притворно вздохнула она. – Но, знаешь, тебе не стоит писать записки во время урока, – а потом, обернувшись к Норе, добавила: – А тебе – их читать. Вам следовало бы сосредоточиться на французском.

– Спасибо, я и без тебя прекрасно справляюсь, – вежливо ответила Нора.

– Не сомневаюсь. Но, думаю, тёте Кэтрин это не понравится. И кроме того, ужасно отвлекает остальных. Как я смогу выиграть Кубок средней школы, если вы кидаетесь бумажками, пока мисс Шилдс пытается нас учить?

Тётей Кэтрин Грейс называет Норину маму. Бедная, бед-

ная Нора: ей приходится следить не только за тем, чтобы Грейс не наядбедничала на неё учителям, но и за тем, чтобы она не наядбедничала её, Норы, родителям.

– Я едва могла сосредоточиться на глаголах, – поддакнула Герти Хейден. Она, конечно, не такая противная, как её лучшая подруга Грейс, но одно это хорошей её тоже не делает. Всякий раз, когда Грейс затевает что-нибудь раздражающее, Герти её поддерживает, независимо от того, согласна она с ней или нет.

Сейчас-то мы прекрасно знали, что Герти и не пыталась сосредоточиться на глаголах. Её вообще интересуют только хоккей и теннис. Иногда я думаю, что единственная причина, по которой Грейс с ней дружит, заключается в том, что Герти не угрожает претензиям Грейс выиграть кубок.

Нора смерила обеих надменным взглядом. Иногда она удивительно похожа на знатную пожилую даму – во всяком случае, удивительно для маленькой рыжей девчонки из Драмкондры.

– Так что же ты не пожаловалась профессору Шилдс? – свысока поинтересовалась она.

Грейс звонко захихикала.

– Не говори глупостей, – сказала она сквозь смех. – Я же не ябеда.

– Правда? – вскинула бровь Нора. – Ты меня удивляешь. Пойдём-ка отсюда, Молли.

И она взяла меня под руку (чего мы тоже не должны де-

лать, поскольку монашки столь близкой друж бы между девочками не одобряют: говорят, мол, это «нездорово», хотя я и не очень понимаю почему. Можно подумать, мы с Норой заразные).

Грейс проводила нас сочувственной улыбкой (крайне раздражающей), а потом они с Герти принялись болтать с Мэй Салливан – она новенькая и иногда общается с Грейс и Герти (наверное, потому, что в отличие от нас, знающих Грейс уже много лет, не может рассмотреть за приторно-сладкими манерами её настоящее лицо).

Пока мы с Норой шагали в лабораторию, на следующий урок, я сказала ей:

– Знаешь, не то чтобы ты была неправа, но, может, нам не стоило ссориться с Грейс?

– Это ещё почему? – возмутилась Нора. – Она этого вполне заслуживает! Как она вообще смеет упоминать маму и указывать, читать ли нам записки!

– Это правда. Но, может, именно сейчас нам лучше не попадаться ей под горячую руку? Особенно если... – я умолкла.

– Если что? – нетерпеливо переспросила Нора.

Я огляделась по сторонам, чтобы убедиться, что ни Грейс, ни кто-либо другой не подслушивает.

– Ну, мне кажется, я не отказалась бы побольше узнать о... о том, что значит быть суфражеткой.

И так быстро, как только могла, рассказала ей, что случи-

лось вчера вечером и что говорила на митинге та дама, миссис Джойс.

– Знаешь, она ведь совершенно права, – горячилась я. – Подумай хотя бы о Гарри: ему сходит с рук такое, за что нам влетело бы по первое число.

– Да, ты права.

– И он вечно получает лучшие кусочки курицы! – добавила я, возвращаясь к своей любимой теме.

– Как и Джордж, когда он дома, – вздохнула Нора. (Джордж – это её брат, если ты вдруг забыла.)

– Да, я видела. Братьям вообще позволяют больше, чем нам. И с самого рождения считают само собой разумеющимся, что они будут учиться в университете. А ведь достаточно разок взглянуть на Гарри, чтобы понять, что он круглый дурак. Зато бедняжке Филлис пришлось до бесконечности упрашивать родителей, хотя она такая умная. Впрочем, если задуматься, мальчишки и право голоса получают, когда вырастут, точно так же, как сейчас – лучшие кусочки курицы.

– Боже мой, – ахнула Нора. Но прежде чем она успела что-либо добавить, над нами вдруг нависла мать Антонина с вопросом: «А что это вы, девочки, бездельничаете?» – и пришлось во весь дух мчаться на урок. И только на перемене, пока мы пили молоко, у нас появилась возможность как следует всё обсудить.

– Так что конкретно ты предлагаешь? – выпалила Нора, едва мы нашли в столовой достаточно укромный уголок. –

Просто я пока не уверена, что хочу быть суфражеткой. В смысле, звучит довольно заманчиво, и я понимаю, что ты имеешь в виду, говоря о наших братьях и их привилегиях, но сама я, если честно, ни о чём таком не думала.

– Я тоже не говорю, что собираюсь стать одной из них. Я даже не уверена, что суфражетками вообще можно стать в нашем возрасте. Но я и не отказываюсь.

– А выглядит так, словно уже согласилась.

– Вряд ли моё желание или нежелание на что-то влияет, – проворчала я, мрачно прихлёбывая молоко. – Во-первых, мы ещё слишком молоды. Но главное, после вчерашнего вечера мама с папой ни за что не позволят мне просто так уйти из дома. А даже если позволят, на митинг в центре точно не пустят.

– О, я уверена, мы сможем придумать способ обойти их запрет, – усмехнулась Нора. – А заодно и тот факт, что мы слишком молоды. Дело для нас всегда найдётся.

– Так значит, тебе это тоже интересно?

– Может быть, – уклончиво сказала Нора. – А может, и нет. Мне нужно всё обдумать. О, берегись, Стелла идёт!

– Стелла – это не страшно, – отмахнулась я, потому что так оно и есть. Как ни крути, Стелла Донован – наша подруга. Конечно, она пансионерка, а значит, вся из себя плакса и тихоня, настоящая серая мышь, но мне она очень нравится. Впрочем, если она мне нравится, это вовсе не означает, что я собираюсь делиться с ней такими важными секретами, по-

этому немедленно сменила тему и заговорила о носках, которые вяжу к папиному дню рождения (тёмно-синяя шерсть, очень сложный узор). Честно говоря, я надеялась, что Стелле быстро наскучит столь малоинтересная тема и она уйдёт поболтать с кем-нибудь ещё, но оказалось, что она как раз в последнее время страстно увлеклась носками (точнее, вязанием – сомневаюсь, что даже заучку вроде Стеллы могут увлечь носки как таковые) и потому с жаром начала рассказывать о всевозможных схемах и различных способах поворота пятки.

– Если начинать с изнанки, выглядит гораздо аккуратнее, – заявила она так серьёзно и с таким энтузиазмом, что у меня не хватило духу прервать беседу, хотя она и стала безумно скучной. Со Стеллой просто не получается быть грубой – это всё равно что пнуть щенка.

Но разговора о технике вязания носков Стелле оказалось мало: она тотчас же принесла из спальни небольшую сумочку со спицами и настояла на демонстрации своих впечатляющих успехов. В общем, из-за Стеллиных носков и подозрительно поглядывающей на нас до самого конца дня Грейс мы с Норой смогли продолжить разговор только по пути домой.

– Слава богу, вырвались из этой тюрьмы! – воскликнула она, едва мы свернули с Эклс-стрит. – Бедняжка Стелла, она-то там надолго застряла, неделями не выходит.

– Что не так уж и плохо. По крайней мере время от времени.

Мы немного прошли молча. Но это было приятное молчание. С Норой всегда так.

– Я тут подумала о том, что мы обсуждали, – начала она. – И поняла, что нужно ещё кое-что прояснить. Мне хотелось бы узнать больше.

– Правда?

Нора кивнула:

– В конце концов, если бы женщины не боролись за право поступать в университет, у меня не было бы и возможности стать врачом.

Я ужасно обрадовалась её интересу к «делу», как назвала это Мэгги, и даже не стала упоминать о своих опасениях, что через несколько месяцев ей, скорее всего, захочется стать кем-то ещё. Или даже через несколько дней.

– Согласна насчёт «всё прояснить». А значит, придётся серьёзно поговорить с Филлис.

– Думаешь, она всё ещё злится? – спросила Нора. – Я имею в виду, на то, что ты за ней следила.

– К тому времени, как мы вчера вернулись домой, она вела себя уже вполне дружелюбно, но сегодня утром, когда я надевала пальто, схватила меня за лацкан и сказала, что лучше мне за ней не шпионить. Не исключено, что, раз я тебе проболталась, больше она ничего не скажет.

– Тебе просто нужно завоевать её доверие, – заявила Нора. Но ей легко говорить, она ведь не знает, какими бывают старшие сёстры. У неё есть только брат Джордж (да и тот

большую часть времени проводит в пансионе), так что я не уверена, понимает ли она, насколько необоснованными могут быть придирки старшей сестры (или младшей, если на то пошло). Вообще, ужасно несправедливо, что мне приходится терпеть не только старшую сестру, но и младшую, а заодно и старшего брата. Как же тебе повезло, Фрэнсис, что ты в семье единственный ребёнок! Знаю, ты считаешь, что на каникулах бывает скучновато, но мне это кажется настоящей идиллией.

И да, я помню, что должна была уже закончить и отправить письмо, но тут произошло ещё кое-что, и мне хотелось бы всё тебе пересказать, пока события не выветрились из памяти. Правда, письмо получится ужасно длинным, может, мне даже придётся попросить у папы ещё одну марку, чтобы покрыть перевес.

В общем, в настоящий момент я безумно завидую не только тому, что ты в семье единственный ребёнок, но и тому, что ты учишься в пансионе. И не в последнюю очередь из-за того, что вечером родители придумали для меня подходящее наказание за побег. Мне не разрешили сегодня после школы пойти на день рождения к Нелли Уилан. Что очень печально, поскольку мама Нелли печёт самый вкусный в мире лимонный пирог (это я знаю с тех пор, как Нелли только появилась у нас в классе и вскоре пригласила одноклассниц на чай – тогда-то я и попробовала пирог). Правда, Нора отнеслась к моим страданиям весьма скептически.

– И что, это единственная причина пойти к Нелли? – сурово поинтересовалась она. – Не очень честно идти на день рождения к человеку только потому, что тебе нравятся пироги его мамы.

– О, не будь такой правильной, – заняла я. – Ты ведь знаешь, мне и Нелли нравится. Но лимонный пирог был бы весьма приятным дополнением...

Должна признать, я ужасно расстроилась, потому что практически весь день девочки из нашего класса, включая даже нескольких пансионерок вроде Стеллы, обсуждали, как пойдут после школы к Нелли, а мне пришлось возвращаться домой, хотя Нелли очень любезно пообещала приберечь для меня кусочек лимонного пирога и в понедельник принести его в школу. И, что ещё хуже (гораздо хуже), из-за того, что Нора тоже собиралась на чай к Нелли, а я попала в немилость, мне даже домой не разрешили вернуться самостоятельно: пришлось ждать у входа в школу под присмотром матери Антонины (весьма подозрительно на меня поглядывавшей), пока Гарри за мной зайдёт.

Единственным положительным моментом в этой ситуации оказалось то, что, когда Гарри всё-таки явился, он злился не меньше меня. И, как обычно, притащил своего друга Фрэнка. И, тоже как обычно, даже не удосужившись поздороваться или сказать что-нибудь хотя бы отдалённо напоминающее о приличиях, поприветствовал меня фразой:

– Из-за тебя я опоздаю на регбийный матч.

– Можно подумать, ты играть идёшь, – отрезала я, когда мы поплелись по Эклс-стрит. – Ты же просто зритель. А опоздания пары зрителей никто даже не заметит.

Разумеется, это его ещё больше разозлило, поскольку он и в самом деле ужасно хочет выходить на поле. Но пока в школе есть мальчики на год старше, ему не стоит ожидать попадания в стартовый состав.

Впрочем, Фрэнк попытался плеснуть немного масла в бурные воды наших с Гарри отношений и вежливо поинтересовался, что я собираюсь делать, когда закончу школу. Не помню, говорила ли тебе когда-нибудь, как Фрэнк выглядит. Он довольно высокий (даже выше Гарри), и у него вьющиеся золотистые волосы, которые постоянно приходится откидывать назад, чтобы они не закрывали его зеленоватые глаза.

– Даже и не знаю, – ответила я, немного подумав. – Полагаю, раз уж Филлис собирается поступать в университет, то и мне тоже хотелось бы.

– А что будете изучать? – уточнил Фрэнк.

– Думаю, английскую литературу. Это мой любимый предмет.

– Мне он тоже нравится, – кивнул Фрэнк.

Но прежде чем кто-нибудь из нас успел сказать что-нибудь ещё, вмешался Гарри:

– Девчонки в университете – какая нелепость! В чём смысл? Через год-два все они будут заниматься только своими мужьями и детьми. Если, конечно, – добавил он, под-

чёркнуто глядя в мою сторону, – их вообще возьмут замуж.
– Ох, Гарри, не будь таким ослом! Лучше заткнись! – воскликнул Фрэнк.

Даже и не знаю, кого слова Фрэнка удивили больше, меня или Гарри. Я думала, брат скажет на это что-нибудь отвратительное (что было бы для него типично), но он, к моему огромному удивлению, только пробормотал: «Да я шучу», – и сразу заговорил о каком-то мальчике из их класса, которого считал на стоящем регбийным волшебником. Это было довольно тоскливо, но, по крайней мере, больше он меня не оскорблял. Всю дорогу до дома они с Фрэнком так и проболтали о своих скучных школьных делах. Впрочем, я особенно не возражала: предпочитаю быть вовсе проигнорированной Гарри, чем с ним разговаривать. Время от времени Фрэнк очень вежливо задавал и мне вопрос-другой о нашей школе: какими видами спорта мы занимаемся (что касается меня, то никакими: во всяком случае, не добровольно) и отпускают ли пансионеров на выходные. Он явно не так много знает о дублинских девочках и их школах. Сестра, правда, у него есть, но она учится в пансионе где-то в глуши.

Но в целом я старалась не вмешиваться в их разговор о регби и о том, как отец Джером заставил кого-то, кого они всё время называли «старинной Шериданом», в качестве наказания за то, что тот заснул прямо на уроке, переписать целых двадцать страниц «Энеиды» (а ведь даже мать Антонина никогда не переваливала за пять страниц). А пока они бол-

тали, я смогла хорошенько подумать о том, как лучше подобратся к Филлис.

После драматических событий, произошедших в среду вечером, я её почти не видела. В четверг они с Кэтлин и её мамой пошли на какую-то лекцию по искусству, а вчера – на концерт с тётёй Джозефиной. Должна сказать, одного Бетховена было бы явно недостаточно, чтобы заставить меня провести с тётёй Джозефиной целый вечер, но, полагаю, сперва она сводила Филлис пообедать. Что касается сегодняшнего дня, я точно знаю, что Филлис идёт в гости к Кэтлин, чтобы помочь той с новой шляпой (могу только догадываться, как она будет выглядеть), так что и сегодня я не смогу с ней поговорить.

Впрочем, я поняла, что Филлис – не единственный человек в доме, способный рассказать мне о суффражетках. Есть ведь ещё Мэгги. И хотя я так и не смогла переговорить с ней наедине с тех самых пор, как раскрыла тайну Филлис, но знала, что сегодня днём она будет не слишком занята: папе придётся пойти на какой-то деловой обед, так что большей части семьи дома не будет, а значит, еду на всех готовить не нужно. Разумеется, я вовсе не была уверена, что она расскажет мне хоть самую малость. Если Филлис сообщила Мэгги о том, как я следила за ней в среду (а скорее всего, она так и сделала), та, возможно, мне уже не доверяет. Я всё ещё раздумывала о том, как лучше к ней подобраться, как вдруг Гарри схватил меня за руку и прошипел:

– Молли? Ты вообще меня слышишь? А ну быстро домой, мне на матч пора!

И я осознала, что мы стоим у нашей двери. Удивительно всё же, как многого не замечаешь, когда думаешь о чём-нибудь интересном.

– Не беспокойся, – бросила я Гарри, нажимая кнопку звонка. – Я не собираюсь проводить с тобой больше времени, чем мне приходится.

Дверь открыла Мэгги.

– Вот, я её привёл, – сказал Гарри. – Мэгги, не будешь ли так добра сообщить об этом маме? Я на матч опаздываю.

И он улыбнулся, а Мэгги улыбнулась в ответ. Гарри ей на самом деле *нравится*: с величайшей неохотой должна признать, что с ней он, как прави ло, довольно любезен. Это вообще, наверное, единственная его положительная черта: он всегда вежлив с прислугой. В общем, они с Фрэнком ушли, а я последовала за Мэгги в холл.

– Ну разве не мило со стороны твоего брата проводить тебя домой? – спросила она.

– Определённо нет, – ответила я. – Он это сделал только потому, что мама с папой его заставили.

– О, не будь к нему так строга. Он паренёк порядочный, – возразила Мэгги, хотя это явно не так. Но я не стала спорить, поскольку у меня и без того было много вопросов, которые хотелось ей задать. Однако сперва я заглянула в гостиную и поздоровалась с мамой, которая пила чай с соседками, мис-

сис Шеффилд и мисс Харрингтон. Они обсуждали организованную нашим приходом благотворительную ярмарку, причём обсуждали с жаром, поскольку кое-кто из женщин, которым они предложили поучаствовать, отказался со словами, что подобные ярмарки – это «протестантские штучки».

Впрочем, я смогла довольно быстро улизнуть на кухню. И едва я туда вошла, Мэгги тут же сунула мне в руку кусок свежеспечённого лимонного пирога.

– Я подумала, вдруг тебе захочется, – улыбнулась она. – Учитывая, что праздник ты пропустишь.

– О Мэгги, ты настоящий ангел, – вздохнула я и бросилась её обнимать.

– Руки прочь! – воскликнула Мэгги. – И не говори маме, что я тебя угостила: ты всё-таки наказана. К тому же она считает, что я испекла пирог только для продажи на ярмарке. Что я, разумеется, тоже сделала, – добавила она, усмехнувшись.

Я не могла ответить, поскольку мой рот был набит лимонным пирогом, поэтому просто кивнула. Пирог был очень вкусным (хотя и не таким, как у миссис Уилан, но этого я, конечно, Мэгги говорить не стала).

Наконец, покончив с пирогом и запив его чашкой едва тёплого, зато ужасно крепкого чая из кухонного чайника, я спросила:

– Мэгги, ты не против, если я тебя кое о чём спрошу?

– Хм, – Мэгги выглядела удивлённой, – смотря о чём ты

хочешь спросить. Надо сказать, обычно ты себя такими церемониями не утруждаешь.

– Ну, в общем, это... – я замялась, потом глубоко вдохнула и решительно продолжила: – Это касается Филлис.

Мэгги с опаской взглянула на меня, но ничего не сказала.

– Я всё знаю, – едва произнеся эти слова, я вдруг поняла, что они звучат ужасно мелодраматично, словно в дешёвом романе, какие печатают с продолжениями во всяких журнальчиках (ты, должно быть, их знаешь: там по сюжету все постоянно оказываются тайными дочерьми герцога или переодетыми графами, и у каждого есть масса врагов, которые пытаются ему помешать).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.